

УДК 82.09 (476):502

О.В. Гниломедова

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ЛИТЕРАТУРА. К ВОПРОСУ О БЕЛОРУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Данная статья содержит концепцию темы «человек и природа» в белорусской и американской литературе. Подобное сопоставление интересно и представляет собой научную ценность. Объектом исследования стало изучение самобытной природы сравниваемых явлений, раскрытие их типологических особенностей и художественного своеобразия.

Предложенная тема данного исследования может показаться несколько неожиданной – уж слишком далеки эти два литературных континента – белорусский и американский. Что может быть между ними общего? Разные истоки, генезис, содержание, судьбы. Присущее обеим литературам – белорусской и американской – неповторимое своеобразие художественного мира, мышления, образности, поэтики. Со всем этим невозможно не согласиться. Один из самых авторитетных американских литературоведов Р. Пирс называет асоциальность литературы США ее ведущей чертой: «Литература изначально не имела общественного признания и санкции, и она стала «частной», в противоположность социальным институтам. Искала свою роль в жизни природы, индивидуума, но не общества – в этом ее... фундаментальное отличие от других литератур» [8, с. 50]. О белорусской литературе этого сказать никак нельзя – это литература как раз обостренного социального звучания, которая всегда жила общими интересами, ей были в меньшей степени свойственны индивидуальные, «частные» страсти, индивидуальный узкосубъективный пафос.

Говоря об американской литературе, необходимо отметить ее протестантский дух, ощущение жизни как осознанного долга, связь религиозности и демократичности.

Несхожего или вовсе непохожего – много. Это относится и к идейному содержанию литератур, и к вопросам стиля, жанровых систем, художественной формы, наивного идеализма с трезвым реализмом.

Но, с другой стороны, достижения современной компаративистики свидетельствуют не только о плодотворности сравнительно-исторических исследований по подобию, близкому соседству, контрастам, очевидным схождениям определенных литературных событий и фактов, форм и образов, но и по их непохожести, контрастности и даже взимоотталкиванию. Что касается последнего, то отталкивания в развитии белорусской и американской литератур, кажется, не было, в силу хотя бы значительной пространственной удаленности одной от другой. Известный французский историк Огюст Тьерри, обращаясь к своим коллегам, настаивал на том, чтобы изучаемые события не смешивали, а кропотливо искали в них различия. Обеднение многообразия отдаляет от истины. Только описание особенностей событий, как считает О. Тьерри, внимательное выявление внутривидовых вариаций является ее познанием [6, с. 209]. Следует отметить так же и то, что компаративистика исходит не только из неоднородности и многоликости литературных явлений, но и из многообразия точек зрения на них.

Сравнительное изучение литературы – принципиально новый этап исследования. При этом обнаружение влияний, заимствований не главная задача сравнительного изучения литератур. Главная задача – изучение самобытной природы сравнительных явлений, раскрытие их типологических особенностей и художественного своеобразия, самого уровня национально-эстетического мышления. Компаративистика дает возмож-

ность увидеть и изучить частное и общее как в конкретных национальных литературах, так и в литературных общностях. К тому же, кроме научного, компаративистика имеет большое общественное значение, ибо раскрывает общие культурно-исторические пути развития разных народов, наций и, наконец, – всего человечества. Сравнительно-историческое изучение литератур основывается на проверенных научных принципах, исходит из общих законов развития общества, единства мирового литературного процесса и опирается на приоритет универсальных ценностей, учет своеобразия национально-культурной основы и единство национального и общечеловеческого.

"Современное белорусское литературоведение, – отмечал В.А. Коваленко, – все более отчетливо начинает понимать, что проблема литературных связей существует не просто как результат с каждым годом все более широких творческих контактов между отдельными национальными литературами, а как проблема внутренне эстетическая, глубоко сущностная для художественного творчества каждого народа, которая не выводит за свои границы ценность самобытности. Наоборот, именно выявление самобытности, неповторимости ощущения мира, предопределенных исторической спецификой чувственно-психологического склада народного характера, становится невозможным без освещения не всегда открытых, таящихся в глубинах духа, но всегда живых тенденций к сближению и взаимодействию» [4, с. 7–8].

Активность компаративистики в современном белорусском литературоведении – налицо. Сравнительно-историческое изучение литературных явлений способно, по общему признанию, углубить наше понимание их художественного богатства, оригинальности и неповторимости.

Толчком к замыслу данного исследования послужила монография В. Кипеля «Белорусы в США» [2], в которой частично отражены и вопросы литературной истории, суждения американцев, посетивших Беларусь, об увиденном, американские реминисценции в белорусской литературе и журналистике и др. В. Кипель, надо отдать ему должное, учитывает, что национальная самобытность включает определенные социокультурные и морально-психологические особенности, основывающиеся на общности трудовых процессов и навыков человека, обычаев, быта, форм общественной и духовной жизни (мировосприятие, религия, мораль, эстетика, право и т.д.) и обусловленные природно-биологическими, геополитическими, этническими факторами. Читая монографию, вспоминаешь слова У. Уитмена из его «Предисловия к «Листьям травы» о том, что американцы – народ народов» [5, с. 23].

Книга В. Кипеля еще раз напомнила, что белорусская литература и американская отличаются и своим происхождением, и возрастом. Белорусская литература, как европейская, гораздо старше американской, но ее развитие происходило неравномерно. XIX век не стал в белорусской литературе веком большой прозы, как это имеет место в американской (В. Ирвинг, Ф. Купер, Э. По, Н. Готорн, Г. Мелвилл, Г. Джеймс, Ф. Брет Гарт, М. Твен и др.), но и в ней есть свои примечательные достижения, о которых мы постараемся сказать далее. XIX век явился для белорусской литературы периодом ускоренного формирования нового, более современного типа художественного мышления, насыщения его понятийно-познавательной базы, становления реалистического мировосприятия, а сфера художественных интересов все более захватывает внутренний мир человека.

Американская литература, как известно, не имела своих традиций и в своем становлении много брала от старых европейских корней, мифологии и воспоминаний, но всего этого было, конечно, мало, потому что она жила американской действительностью, новыми связями, окружающей средой. Пожалуй, первое, что почувствовал поселенец – вчерашний европеец на американской земле, было то, что он очутился в ином, незнакомом ему природном окружении: небо, воздух, линия горизонта, флора и фауна,

климат – все было другим. Но теперь это был его дом, в котором ему предстояло жить и обустроиваться.

Пионеры шли на запад, охотничьи лагеря сменялись более стабильными поселениями с работой на плантациях, фермах, организованным трудом – это и был процесс освоения, колонизации новых земель. Природа здесь щедро заботилась о человеке, кормила его и одевала без особых усилий с его стороны. Новому американцу сама собой напрашивалась мысль о состоявшемся чуде – об осуществлении, наконец, старой, как мир, мечты об утраченном рае, который являла собой эта благодатная земля.

Среди первых поселенцев были, несомненно, белорусы. В. Кипель в своем исследовании «Белорусы в США» указывает, что первые эмигранты из Белоруссии в Америке появились еще во времена Великого Княжества Литовского. Эмиграция усилилась в связи с упадком ВКЛ и последующими политическими изменениями, присоединением Белоруссии к России [3, с. 41–44].

Белорусский этнос так же, как и всякий другой, формировался в тесной связи с той природной средой, которая его окружала. Об этом свидетельствует уже древняя литература, в частности творчество К. Туровского, ощущавшего глубокую связь с родным краем. В его проповедях мы находим символику растительного мира, в «Слове на Фаміну нядзелю» он сравнивает Старый завет с зимой, а Новый – с весной. К. Туровский утверждает идею вечного возрождения как божественное свойство всего природно-космического универсума.

Первым, кто подробно, правдиво и красочно показал среду обитания белоруса, природные условия страны, ее леса и реки, был Н. Гусовский, автор поэмы «Песнь о зубре», созданной в XVI веке. Это произведение, созвучное своей эпохе – эпохе Возрождения – в сущности, открыло естественную красоту окружающей природы, забытую со времен язычества. В белорусскоязычном переводе с латинского «зубр» пишется с малой буквы. Правильнее было бы, на наш взгляд, написание с заглавной: «Песнь о Зубре», – потому что «Зубр» в данном случае понятие отнюдь не нарицательное. Это – имя белорусской Природы, богатой и разнообразной, создающей славу этому краю, который воспет в поэме.

Н. Гусовский через призму ренессансного видения смог показать то, что можно назвать мощью природных сил, воплощенных в Зубре.

В «Песне о зубре» чувствуются отголоски древнего антропоморфизма, автор часто уподобляет природу человеку, наделяя ее, в том числе зубра, человеческими психологическими свойствами, что придает этому образу высокую эмоциональную выразительность. Природа в сущности охватывает все многообразие человеческого бытия, отраженного в поэме.

В «Песне о зубре» присутствует, хотя, может быть, и неосознанно, подспудно, идея связи человека и природы – и не только в их противостоянии, но и в той всеобщей взаимозависимости, удивительной гармонии, которая заложена в природе, подчиняющей себе все, в том числе и человека с его подчас необузданными инстинктами и агрессией. Пером Н. Гусовского водило как раз стремление преодолеть разорванность мира, укротить людскую жестокость, утвердить гуманистические принципы свободы, правды и добра и таким образом обеспечить путь в будущее.

В литературах всех народов земли природа в силу своей непреходящей значимости всегда являлась предметом более или менее глубокого идейно-художественного анализа. Это, еще раз напомним, одна из вечных тем мировой литературы. Отношения человека и природы отразились уже в мифологии. Древний человек обоготворял природу. Согласно древней философской традиции природа считалась сотворенной Богом, хотя в иерархии божественных творений она находится ниже человека. Со временем философское содержание понятия природы и соотношения и взаимодействия ее с чело-

веком постоянно углублялось, приобретало широкий смысл, становясь в один ряд с понятием материи, универсума, вселенскости.

Хотя человек в своей специфике не является частью природы, однако имеет, несомненно, определенную природную основу бытия, на которой только и возможно появление специфически человеческого – психики, сознания, мышления и т.п. Природа, таким образом, включает в свою сферу человека, связанного с ней единством животного-органического существования, многообразием инстинктов и отнюдь не всегда возвышенных побуждений. Следовательно, природа человека (что известно было уже античным философам) двойственна: душа и тело. Средневековые мыслители усматривали в человеке даже три части: тело – душа – дух. Духовность человека они видели в его совести, указывающей на связь с Богом, со-вести с Богом.

Понимание природы проникнуто своеобразным историзмом. Эпоха Возрождения рассматривала человека как творческую личность, что нашло впечатляющее отражение во всей человеческой деятельности, в том числе в развитии литературы и искусства. Мировой литературе известно такое явление, как натурфилософская поэзия, основы которой заложил один из поэтов европейского Возрождения – Лукреций, написавший большую поэму «О природе вещей». В ней автор утверждает, что все существующие в мире вещи, при всем свойственном им многообразии, объединены своей природой. Единство и многообразие – основы мира. Лукреций учил доверять природе и любить ее как обитель человечества, лоно существования человека на земле. Концептуально понимая природу как все несоциальное, мы рассматриваем связи человека в основном с природным окружением и не касаемся вопроса о природе в самом человеке, хотя литература, и белорусская, и особенно американская представляют для этого обильный материал и возможности.

«Природа, – настаивает профессор А. Барщевский, – обладает вечной способностью влиять на человека и очищать его сознание и совесть от черных мыслей, тревог и стрессов. Пейзаж – это лекарь, владеющий чудотворными свойствами и возможностями. Без постоянного контакта с ним нельзя сохранить в сердце и душе той гармонии и незлобивости, без которых невозможна спокойная и здоровая жизнь» [1, с. 295]. Профессор А. Барщевский прав: лечебная практика свидетельствует, что пейзажерапия способна помочь в борьбе с неврозами, коренящимися в разного рода противоестественных запретах. Любовь к природе – это, в конце концов, любовь к жизни.

По своей мощи природа неизмеримо превосходит человека. Она – одновременно «храм и мастерская»: с одной стороны, она питает человека духовной энергетикой, с другой – является источником удовлетворения утилитарных потребностей, обеспечивает средствами к существованию (пища, одежда, жилище и т.д.).

С неприкрытой утилитарностью относилась к природе (и ко всей действительности) эпоха Просвещения. Просветители, возможно, и сами того не желая, превращали человека и природу в одномерный, ограниченный факт научного познания, что не только не препятствовало, но даже поощряло потребительское отношение общества к природе.

В СССР природа также толковалась обуженно – только как окружающая среда, в которой обитает человек. Это явно недостаточно для понимания оппозиции «человек – природа» во всей глубине ее реального содержания. Человек и природа – две взаимовлияющие и взаимопроникающие сферы.

Важнейшим средством художественного отображения жизни пейзаж стал в эстетических системах сентиментализма и романтизма. Сентименталисты часто изображали своих героев на фоне тихой, умиротворенной природы, благотворно влиявшей на душу и переживания человека, удалявшегося чаще всего в сельскую идиллию от шумной жизни города. Романтики использовали описания природы для выражения бурных

чувств и страстей своих героев, создания экзотической обстановки, в которой происходят события и вершатся человеческие судьбы. История пейзажа – это во многом история борьбы искусства за человека, за правдивое и полное воплощение и отражение в произведениях литературы его личности и характера.

Литература как часть культуры всегда ощущала в большей или меньшей степени свое призвание участвовать в регулировании широкого спектра отношений между человеком и природой, способствовала осознанию человеком своей ответственности за сохранение природы.

Автор книги о творчестве Я. Коласа А. Шемякина, анализируя авторскую концепцию взаимоотношений человека и природы в трилогии «На расстанях», приходит к выводу, что кредо писателя в этом вопросе – «не господствовать над природой, а понимать ее мудрую жизнь и вместе с ней понимать человека, народ, время, открыть благодаря ей вечные общечеловеческие ценности» [7, с. 11]. В этом выводе может быть и много верного, но выражение «мудрая жизнь» природы воспринимается все-таки не более, чем метафора, идеализированное представление о природе. В природе ведь хватает и жестокости, и равнодушия, и того, что мы называем борьбой за существование, правом сильного. Интересно было бы посмотреть, как меняется отношение к теме «природа и человек» на протяжении столетий литературного развития, в разные исторические эпохи, кончая ее полным забвением и отрицанием в произведениях абстракционистов, «беспредметников», постмодернистов и прочих писателей XX века.

Тысячелетиями человек был слабее природных сил, боролся против них, защищался от ее стихийных, зачастую разрушительных порывов. В ходе этой борьбы он обретал и новые знания, и новые возможности, и новые силы, и вот пришло время, когда человек как будто бы обрел власть над природой. XX век привел человечество к фантастическому взлету техники, к бурному росту производственных сил. Родились новые острые проблемы. В диалоге человека и природы всегда деятельное участие принимала литература, употребляя для этого весь свой эстетический потенциал. Это в одинаковой мере относится и к белорусским, и к американским писателям.

Картины природы в литературном произведении, как уже говорилось, могут иметь разное идейно-художественное предназначение, выполнять роль описания места действия, выявлять мысли, настроения, чувства, переживания автора или героев (соответствовать им или находиться в контрасте с ними). Благодаря литературе и искусству человек улавливает, открывает для себя и осознает множество новых связей природных и общественных явлений, связей между внутренним и внешним миром человека. Художник делает эти связи видимыми и ощутимыми.

Все изменения в способах восприятия и изображения природы всегда были результатом исторических сдвигов и перемен в жизни, определявших развитие искусства и пути художественного познания в целом. Из вышесказанного становится очевидно, что глубинная историчность всех этих изменений и познавательный характер художественной связи и сопоставлений природы и внутреннего мира человека несомненны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршчэўскі, А. Творцы беларускага літаратурнага руху ў Польшчы ў 1958–1998 гадах. / А. Баршчэўскі. – Мінск, 2008. – с. 295.
2. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША. / В. Кіпель. – Мінск, 1993.
3. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША. / В. Кіпель. – Мінск, 1993. – С 41–44.
4. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей : у 4-х кн. Мінск, 1993. – К. 1. – С. 7–8.
5. Писатели США о литературе. – Москва, 1974. С.23.

6. Тьерри, О. Избранные сочинения / О. Тьерри Москва, 1937 – С.209.
7. Шамякіна, А. І. Прырода ў ідэйна-мастацкай канцэпцыі трылогіі Я. Коласа “На росстанях” : автореф. дис. ... канд. філ. навук / А. І. Шамякіна. – Минск, 2001. – С. 11.
8. Pearce, R. Historicism once more. / R. Pearce. – Princeton, 1969. – С.50.

Gnilomyodova O.V. Person, nature, literature. On the question of Belarusian-American literature links

The article contains the concept of the theme «the person and nature» in the Byelorussian and American literature. This typological comparison is interesting and represents scientific value.